

**Научная статья**

УДК 316.4 + 314.7

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.15.

EDN WGJFIC

**Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции  
социокультурного воспроизводства****Андрей В. Бедрик<sup>1</sup>**<sup>1</sup>Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия  
e-mail: abedrik@bk.ru.**Валерия П. Войтенко<sup>2</sup>**<sup>2</sup>Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия  
e-mail: leravvp@mail.ru.**Аннотация**

**Введение.** В настоящее время диаспоры выступают одним из базовых объектов как миграционной политики России, так и всего комплекса государственной национальной политики, ориентированной на сохранение культурного многообразия и гармонизацию межэтнических отношений в российском обществе. Цель данного исследования состоит в анализе типологических черт диаспорных сообществ Юга России, которые обуславливают характер их общественного восприятия, роль в межэтнических коммуникациях и особенности воспроизводства этнической структуры населения региона.

**Методы.** Методологическую базу исследования составляет неoinституционализм Д. Норта, а также социокультурный подход социологического исследования, представленный в работах Р. Мертон. Эмпирическую базу исследования составляют результаты всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020–2021 гг., а также переписи населения Крымского федерального округа, осуществленной в 2014 г. Кроме того, эмпирическими источниками информации являются данные территориальных органов юстиции пяти субъектов Юга России (Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея, Республика Крым и г. Севастополь).

**Результаты и их обсуждение.** В статье представлена классификация диаспорных сообществ Юга России, разработанная на основе исторического (временного) критерия, обеспечивающего возможности межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество, его региональные и локальные компоненты. Выделено три группы диаспорных сообществ на Юге России: «досоветские диаспоры», «советские диаспоры», «постсоветские диаспоры». Выделенные три типа диаспорных сообществ Юга России реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степенью выраженности миграционных установок среди молодежи.

**Ключевые слова:** диаспоры; типология диаспор; идентичность; исторические диаспоры; советские и постсоветские диаспоры; миграция.

**Благодарность.** Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтничного сообщества Юга России».

**Для цитирования:** Бедрик А.В., Войтенко В.П. (2023). Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции социокультурного воспроизводства. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 160–167. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.15>.

**Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends  
in sociocultural reproduction****Andrei V. Bedrik<sup>1</sup>**<sup>1</sup>Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia  
e-mail: abedrik@bk.ru.**Valeria P. Voytenko<sup>2</sup>**<sup>2</sup> Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia  
e-mail: leravvp@mail.ru.

**Abstract**

**Introduction.** Currently, diasporas are one of the basic objects of migration policy of Russia and the entire complex of state national policy aimed at preserving cultural diversity and harmonizing interethnic relations in Russian society. The purpose of this study is to analyze the typological features of communities of diasporas in the South of Russia, which determine the nature of their public perception, their role in interethnic communications and the characteristics of the reproduction of the ethnic structure of population of the region.

**Methods.** The methodological basis of the study is the D. North's neo-institutionalism, as well as the sociocultural approach of sociological research presented in the R. Merton's works. The empirical basis of the study consists of the results of the All-Russian population censuses of 2002, 2010, 2020–2021, as well as the population census of the Crimean Federal District carried out in 2014. In addition, empirical sources of information are data from the territorial justice authorities of 5 constituent entities of the South of Russia (Rostov region, Krasnodar region, the Republic of Adygea, the Republic of Crimea and the city of Sevastopol).

**Results and discussion.** The article presents a classification of diaspora communities in the South of Russia, developed on the basis of a historical (temporal) criterion that provides the possibility of intergenerational analysis of diasporas to identify the degree of their integration into Russian society, its regional and local components. Three groups of diaspora communities in the South of Russia are identified as following: "pre-Soviet diasporas", "Soviet diasporas", "post-Soviet diasporas". These three groups of diaspora communities in the South of Russia implement identification and integration strategies of behavior that are different in content and significantly differentiated by potential of subjectivity in the system of interethnic interactions, level of social and cultural distance with main population, and degree of expression of migration attitudes among youth.

**Keywords:** diasporas; typology of diasporas; identity; historical diasporas; soviet and post-soviet diasporas; migration.

**Gratitude.** The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No.23-28-01721 "Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multi-ethnic community of the South of Russia".

**For citation:** Bedrik A.V., Voytenko V.P. (2023). Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends in sociocultural reproduction. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 160–167. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.15>.

**Введение**

В условиях исторически сложившейся поликультурной структуры населения российского общества и ее трансформации под влиянием интенсивных миграционных процессов исследование диаспор имеет несколько аспектов актуальности. Среди них практическая сторона актуальности обусловлена тем, что в настоящее время диаспоры выступают одним из базовых объектов как миграционной политики России, так и всего комплекса государственной национальной политики, ориентированной на сохранение культурного многообразия и гармонизацию межэтнических отношений в российском обществе. Институты, представляющие диаспорные группы, в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в состоянии выступать полноценными субъектами реализации данной сферы общественных отношений (Сургуладзе, 2019, 35). Институциональный анализ общественных объединений национально-культурного профиля в субъектах Южного федерального округа показал, что их абсолютное большинство (от 62 до 87%) организовано для представительства и реализации интересов народов, относящихся к категории диаспор. Исключением выступает Республика Адыгея, в которой диаспорные народы представлены лишь 20% от всех национально-культурных объединений регионов.

**Цель и методологическая база исследования**

Цель данного исследования состоит в анализе типологических черт диаспорных сообществ Юга России, которые обуславливают характер их общественного восприятия, роль в межэтнических коммуникациях и особенности воспроизводства этнической структуры населения региона.

Методологическую базу исследования составляет неoinституционализм Д. Норта (Норт, 1997, 120), а также социокультурный подход социологического исследования, представленный в работах Р. Мертона (Мертон, 2006, 344). Эмпирическую базу исследования составляют результаты всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020–2021 гг., а также переписи населения Крымского федерального округа, осуществленной в 2014 г. Кроме того, эмпирическими источниками информации являются данные территориальных органов юстиции пяти субъектов Юга России (Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея, Республика Крым и г. Севастополь), на основе которых формируется институциональный портрет южно-российских диаспорных сообществ.

Важно подчеркнуть, что при анализе всего многообразия полиэтнических социумов регионов Юга России как диаспоры рассматриваются исключительно те этнические группы, которые имеют за пределами Российской Федерации свои национальные государства или свое основное этническое ядро, с которыми данные группы ассоциируют свою историческую родину. В соответствии с этим положением из поля анализа, а следовательно, и сравнительной классификации исключаются группы в статусе этнического меньшинства, являющиеся автохтонными для региона своего проживания (например, шапсуги и черкесогаи в Краснодарском крае, караимы и крымчаки в Крыму и др.), а также группы, у которых этническое ядро и/или основная этническая масса локализованы в границах Российской Федерации (например, проживающие в Ростовской области чеченцы, татары, осетины и др. не рассматриваются в данном случае в качестве этнических диаспор).

### **Обзор научной литературы по теме исследования**

В отечественном междисциплинарном дискурсе, посвященном исследованию диаспорных сообществ, сложились различные подходы к классификации данного типа этнических групп. Так, отечественный политолог М.А. Аствацатурова подразделяет диаспоры на классические, приглашенные, новые и отдельно выделяет внутренние диаспоры (Аствацатурова, 2002, 88–95). Другой исследователь, социолог В.Д. Попков, подразделяет диаспоры по историческому критерию на исторические, новые и новейшие (Попков, 2003, 20–25). Исследователь Т.В. Полоскова подразделяет диаспоры в российском обществе на две основные группы – мировые и постсоветские (Полоскова, 2002, 70–74). Исследователь А.В. Дмитриев в своих работах в качестве классификационного критерия при анализе диаспорных общин выделяет их конфликтный потенциал и, таким образом, подразделяет соответствующие этнические группы на сообщества с актуальным уровнем конфликтного потенциала в локальных и региональных социумах и комплементарные этнические группы (Диаспоры и землячества..., 2017, 19–20). Российский социолог В.И. Мукомель классифицирует диаспорные общины исходя из характера их миграционного воспроизводства на те, которые испытывают миграционный прирост, и те, которые характеризуются миграционной убылью (Адаптация и интеграция мигрантов..., 2022, 292–294). В работах А.Г. Осипова (Осипов, 2004, 331) и Т.Я. Хабриевой (Хабриева, 2003, 122) классификационным критерием выступает статус официальных национально-культурных объединений (в том числе национально-культурных автономий), представляющих диаспорные группы. Исследователь В.И. Дятлов в основу классификации исторических диаспор закладывает их профессиональный статус и хозяйственно-экономическую специализацию, концентрацию в определенных нишах трудовой деятельности (Дятлов, 2000, 24–25).

### Результаты исследования и их обсуждение

При анализе процессов вовлеченности диаспор и их институтов в межэтнические коммуникации в регионах Юга России, а также при исследовании характера их социокультурного воспроизводства в условиях полиэтнических социумов южнороссийского приграничья актуальной представляется классификация диаспорных сообществ по нескольким критериям. Базовым выступает исторический (временной) критерий, который обеспечивает возможности межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество, его региональные и локальные компоненты. Исторический (временной) критерий важен при анализе структуры диаспорной группы, тенденции ее демографического воспроизводства, характера взаимодействия с другими этническими группами региона ее проживания. На основе данного критерия могут быть выделены три типа диаспорных сообществ на Юге России. Во-первых, исторические (классические) диаспоры, продолжительность пребывания которых в регионах Юга России характеризуется периодом не менее 100–150 лет. Данные группы в большей степени ассоциируют себя с территорией современного расселения, хотя и испытывают в отношении своей исторической родины определенную эмоциональную привязанность. К данной категории диаспор на Юге России относятся следующие этнические группы: греки, евреи, немцы, поляки, ассирийцы, болгары, а также миноритарные группы чехов, эстонцев, латышей, литовцев и сербов, представленные преимущественно в районе Причерноморья Крыма и Кубани. Данные группы в наибольшей степени подвержены ассимиляционному тренду, пережили несколько эмиграционных волн, крупнейшая из которых пришлась на постсоветский период, а в демографической структуре этих этносов преобладают представители старших возрастов, в том числе пожилые люди.

Особняком в категории исторических (классических) диаспор Юга России стоит армянская диаспора. Уникальность ее положения заключается в том, что, несмотря на многовековую историю присутствия, именно армянская группа испытала в позднесоветский и постсоветский период максимальный миграционный прирост своих представителей из различных регионов бывшего СССР. Это в значительной степени обеспечило современную устойчивость ее демографического статуса, но в то же время спровоцировало субдиаспорную фрагментацию, установление внутри диаспоры устойчивых социокультурных границ между историческим и миграционным компонентами группы. Анализ структуры армянской диаспоры в регионах Юга России позволяет сделать вывод, что собственно историческое ее часть в настоящий момент составляет в Ростовской области не более половины всех представителей армянского этноса, а в Краснодарском крае и Республике Адыгея – менее трети. Ситуация с Крымом и Севастополем отличается в силу того, что в период основных постсоветских волн армянского миграционного прироста (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) данные территории находились в составе Украины – страны традиционного миграционного донора для России в данный исторический период.

Выделенную первую группу диаспорных сообществ в регионе Юга России можно определить термином «досоветские диаспоры», так как их возникновение приходится на исторический период еще Российской империи с последующей корректировкой их социокультурного и демографического статуса под влиянием миграционного фактора. Вторую группу составляют этнические сообщества, которые можно определить термином «советские диаспоры», так как их появление в регионе преимущественно приходится на период существования СССР. Эти группы сформированы из титульных этносов бывших советских республик. В региональном про-

странстве к ним относятся грузины, азербайджанцы, белорусы, молдаване и абхазы. Данные группы в постсоветское время испытали на себе как миграционный маятник и усиление ассимиляционного тренда (белорусы, молдаване), так и миграционный прирост с устойчивым уровнем этнической идентичности при многопоколенческой структуре диаспоры (азербайджанцы, в определенной степени грузины и абхазы). Особое положение в данной совокупности этнических групп занимает украинская диаспора. Ее специфика определяется, во-первых, статусом украинцев в Крыму и Севастополе – регионах, до 2014 г. входивших в состав Украины. И в настоящее время одним из государственных языков Крыма является украинский язык, что трансформирует традиционное представление о диаспоре как группе некоренного статуса. Во-вторых, диалектические особенности коренного русскоязычного населения Дона и Кубани характеризуются значительной близостью к украинцам, а их историческое присутствие на данных территориях имеет дореволюционный период. В то же время идентификационное позиционирование украинцев в качестве самостоятельного этноса Юга России и, как следствие, их трансформация в диаспорное сообщество региона приходится на период существования СССР (Суций, 2013, 55–57). До начала российско-украинского противостояния в 2022 г. большинство общественных объединений украинцев на Юге России рассматривало в качестве своей исторической родины (государства этнического ядра) Украину (Бедрик, 2016, 33–34). Данная идентификационная стратегия в значительной степени скорректирована современными условиями межгосударственного взаимодействия России и Украины.

Еще одним исключением в данном историческом типе южнороссийских диаспор являются корейцы. Несмотря на то, что корейская этническая общность не относится к числу титульных народов бывшего СССР, ее появление на Юге России обусловлено характером переселенческой политики советского периода – депортацией корейцев первоначально на территорию Центральной Азии, а в дальнейшем их релокацией в субъекты Юга России (Бугай, 2015, 312). В отличие от других диаспор советского периода корейцы характеризуются устойчивой этнокультурной дистанцией с основным населением в силу особенностей языка, расово-антропологического типа группы, ее культурной ментальности. В то же время в настоящем периоде именно корейская диаспора характеризуется наименьшим уровнем конфликтного взаимодействия с другими этническими группами в регионе среди всех диаспор нового и новейшего периодов.

Из перечня «советских диаспор» исключены народы Центральной Азии, так как, несмотря на их присутствие в региональном пространстве Юга России в течение всего советского периода, наибольший миграционный прирост данных этносов пришелся на период 2000-х гг. Соответственно, сами диаспоры могут быть классифицированы в качестве «постсоветских», или новейших диаспор региона. К этой категории относятся узбеки, кыргызы, таджики, а также туркмены и казахи. Для данных диаспорных групп характерна монопоколенческая структура (представители одного поколения миграции) и превалирование в гендерном портрете сообщества мужского населения, сформированного из числа временных трудовых мигрантов в регион. Эта особенность дополняется ростом учебной миграции, которая хотя и не в состоянии скорректировать половозрастной статус сообщества, но существенно изменяет его образовательный уровень, создает потенциал выделения класса этнической интеллигенции диаспоры, прежде отсутствовавшего в структуре данных групп. Одновременно данные сообщества характеризуются максимальным уровнем социальной и культурной дистанции с основным населением, обусловленной особенностями традиционных культуры и религии, низким уровнем владения русским языком, а так-

же отсутствием интеграционной стратегии в поведении представителей диаспоры, анклавной формой расселения, слабостью диаспорных институтов, представляющих интересы данных сообществ.

Как и в случае с группами досоветских и советских диаспор, в категории постсоветских диаспор есть специфическое сообщество, сформировавшееся в регионе в результате массовой стрессовой миграции на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. Это диаспора турок-месхетинцев, которая на сегодняшний день отличается максимальным естественным демографическим приростом наряду с многопоколенческой структурой сообщества, имеющей семейный тип проживания в регионе, а также актуальным уровнем этнической идентичности, успешным преодолением языковых барьеров с основным населением и решенными вопросами правовой натурализации (Гармонизация межэтнических отношений..., 2022, 11). Специфика данной группы определяется и тем фактом, что в среде турецкой молодежи в возрасте до 30 лет в качестве исторической родины рассматривается не Грузия (Месхетия) или страна миграционного исхода (Узбекистан), а Турецкая Республика как титульное государственное образование турок. Такое положение Турецкой Республики обусловлено ее заметным геополитическим статусом и реализуемой стратегией международного лидера для государств и народов тюркского мира, а также перспективами стационарной или маятниковой трудовой миграции в Турцию. Эта позиция трансформирует восприятие турецкой молодежью своего статуса в качестве кавказского этноса и одновременно усиливает диаспорную идентичность у этой возрастной категории этнического сообщества.

### Заключение

Выделенные три типа диаспорных сообществ Юга России реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степени выраженности миграционных установок среди молодежи. Тип диаспорного сообщества определяет набор соответствующих инструментов управленческого воздействия со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в рамках реализации мероприятий государственной национальной политики, а также конкретизирует меры профилактики деструктивных форм межэтнического взаимодействия в регионе, в том числе с участием официальных институтов диаспорных групп. В целом применение типологического метода в исследовании диаспор повышает прогностический потенциал в анализе развитии всей сферы межнациональных отношений в поликультурных региональных сообществах.

### Литература

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монузова [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 400 с. – ISBN 978-5-89697-407-9. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. – EDN YKKOSI.
- Аствацатурова, М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону; Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002. – 628 с. – EDN TASWEB.
- Бедрик, А.В. Славянские народы Юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации / А. В. Бедрик, А. Н. Дьяченко, А. В. Сериков // *Гуманитарий Юга России*. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 30–40. – EDN XBJKXX.
- Бугай, Н.Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие / Н. Ф. Бугай. – Москва : Гриф, 2015. – 512 с. – ISBN 978-81-974200-5-2. – EDN VMPTYD.

- Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-406-11246-5. – EDN BUJRXK.
- Диаспоры и землячества в современной России: Факторы воспроизводства традиционных ценностей в инокультурных средах, Москва, 24 мая 2017 года. – Москва: Ленанд, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-9710-5077-3. – EDN ZQVFQV.
- Дятлов, В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) / В. И. Дятлов. – Москва : ЗАО «Издательство «Наталис», 2000. – 190 с. – ISBN 5-8062-0025-6. – EDN COQNJR.
- Осипов, А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты / А.Г. Осипов ; Центр независимых социологических исследований. – Санкт-Петербург: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с. – ISBN 5-98237-001-9. – EDN QWZKUV.
- Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В.Д. Попков. – Москва: Институт социологии Российской академии наук, 2003. – 340 с. – ISBN 5-93810-041-0. – EDN ZWRMUD.
- Полоскова, Т.В. Современные диаспоры: (внутриполит. и междунар. аспекты) / Т.В. Полоскова. – Москва: Науч. кн., 1999. – 252 с. – ISBN 5-7671-0004-7.
- Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь / А.В. Лубский, В.Д. Альперович, Л.Ю. Андреева [и др.]. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. – 696 с.
- Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6 (АСТ).
- Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0. – EDN YQDVYE.
- Сургуладзе, В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика: Монография / В.Ш. Сургуладзе; Под науч. ред. проф. Н.А. Фроловой. – М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. – 400 с.
- Суций, С. Я. Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества / С. Я. Суций; Российская академия наук, Южный научный центр, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований. – Ростов-на-Дону: Копицентр, 2013. – 154 с. – ISBN 978-5-87870-054-2. – EDN WLMWHP.
- Хабриева, Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2003. – 255 с. – ISBN 5-7205-0516-4. – EDN RASLLH.

### References

- Astvacaturova M.A.* Diasporas in the Russian Federation: formation and management. The North Caucasus region. Rostov-na-Donu; Pyatigorsk: Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby = Rostov-on-Don; Pyatigorsk: North Caucasian Academy of Public Administration; 2002. 628 p. (In Russ.)
- Bedrik A.V., D'yachenko A.N., Serikov A.V.* Slavic peoples of the South of Russia: peculiarities of reproduction and identification trends. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia.* 2016; 22 (6): 30–40. (In Russ.)
- Bugaj N.F.* Koreans of the South of Russia: interethnic harmony, dialogue, trust. Moscow: Grif = Moscow: Vulture; 2015. 512 p. ISBN 978-81-974200-5-2. (In Russ.)
- Diasporas and communities in modern Russia: Factors of reproduction of traditional values in foreign cultural environments, Moscow, May 24, 2017. Moscow: Lenand = Moscow: Lenand; 2017. 120 p. ISBN 978-5-9710-5077-3. (In Russ.)
- Dyatlov V.I.* Modern trade minorities: a factor of stability or conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk). Moscow: ЗАО « Izdatelstvo «Natalis» = Moscow: Natalis Publishing House; 2000. 190 p. ISBN 5-8062-0025-6. (In Russ.)
- Habrieva T.Ya.* National cultural autonomy in the Russian Federation. Moscow : Yuridicheskij dom “YUsticinform” = Moscow: Law House “Justicinform”; 2003. 255 p. ISBN 5-7205-0516-4. (In Russ.)
- Lubsky A.V., Alperovich V.D., Andreeva L.Yu. [et al.]* Regional studies. South of Russia: a short thematic dictionary. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh = Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for Higher Education, 2004. 696 p. (In Russ.)
- Merton R.* Social theory and social structure; [trans. from English by E.N. Egorova et al.]. Moscow: AST : Hranitel' = Moscow: AST: Keeper; 2006. 873 p. ISBN 5-17-029089-6 (AST). (In Russ.)
- Mukomel' V.I., Grigor'eva K.S., Monusova G.A. [et al.]* Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. Moscow: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr Rossijskoj akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2022. 400 p. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. (In Russ.)
- Nort D.* Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fond ekonomicheskij knigi “Nachala” = Moscow: Foundation of the Economic book “Beginnings”; 1997. 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.)

*Osipov A.G.* National cultural autonomy. Ideas, solutions, institutions; Centr nezavisimyh sociologicheskikh issledovanij. Saint Petersburg: = Center for Independent Sociological Research. Saint Petersburg; 2004. 508 p. ISBN 5-98237-001-9. (In Russ.)

*Poloskova T.V.* Modern diasporas: (intrapolitical. and international. aspects) Moscow: Nauch. kn = Moscow : Scientific Journal; 1999. 252 p. ISBN 5-7671-0004-7. (In Russ.)

*Popkov V.D.* The phenomenon of ethnic diasporas. Moscow: Institut sociologii Rossijskoj akademii nauk =Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. 340 p. ISBN 5-93810-041-0. (In Russ.)

*Surguladze V.Sh.* Identity politics in the realities of ensuring national security: strategy, theory, practice: Monografiya; Pod nauch. red. prof. N.A. Frolovoj. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.» = Monograph; Edited by prof. N.A. Frolova. Moscow: Analytical group “S.T.K.”; 2019. 400 p. (In Russ.)

*Sushchij S. Ya.* Ukrainians of the South of Russia - the demographic history of a regional community; Rossijskaya akademiya nauk, Yuzhnyj nauchnyj centr, Institut social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij. Rostov-on-Don: Kopicentr = Russian Academy of Sciences, Southern Scientific Center, Institute of Socio-Economic and Humanitarian Studies. Rostov-on-Don: Kopicentr; 2013. 154 p. ISBN 978-5-87870-054-2. (In Russ.)

*Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Bineeva N.K. [et al.].* Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of Southern Russia in the mirror of social justice. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu “Izdatel'stvo “KnoRus” = Moscow: Limited Liability Company “KnoRus Publishing House”; 2022. 250 p. ISBN 978-5-406-11246-5. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 28.10.2023

Дата окончания рецензирования: 30.11.2023

Дата принятия к публикации: 08.12.2023

### **Информация об авторах**

**Бедрик Андрей Владимирович** – кандидат социологических наук, директор Института социологии и регионоведения, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: abedrik@bk.ru

**Войтенко Валерия Петровна** – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: leravvp@mail.ru

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов**

### **Information about the authors**

**Bedrik Andrei Vladimirovich** – Candidate of Sciences in Sociology, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: abedrik@bk.ru.

**Voytenko Valeria Petrovna** – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: leravvp@mail.ru.

**The authors declare that there is no conflict of interest**